

С. А. Васютин
«ВАРВАРСКАЯ» ПЕРИФЕРИЯ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ
ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Раннесредневековый период как переходная эпоха, особенно когда речь идет о германском и даже шире «варварском» мире V–X вв., до сих пор всесторонне не осмыслен. Отечественная наука испытывает недостаток как в теоретических, так и в практических исследованиях по проблематике «переходного» раннесредневекового периода. Исключением, пожалуй, была концепция особенностей генезиса феодализма для стран Северной и Восточной Европы (безсинтезный путь или опосредованный синтез). При этом применение данной концепции нередко было прямолинейным: фиксация социальной иерархии или даже отдельных групп дружинной знати и зависимого населения в той или иной стране давала основание ученым заявлять о раннем феодализме, «феодалах», «феодальной эксплуатации». Факты же княжеско-королевских дарений имущества или земли, что само по себе было неотъемлемым элементом политических практик в самых разных странах и эпохах, с той же легкостью «свидетельствовали» о появлении «раннефеодальной монархии».

Что касается других гипотез отечественной науки относительно раннесредневековой истории, то концепции здесь существует скорее на уровне идей, без содержательной и фактической проработки на обширном территориальном материале. Показательна судьба теории дофеодального периода А. И. Неусыхина¹. Это проблематика отчасти звучала в работах А. Я. Гуревича², М. Я. Сюзюмова³ и ряда других авторов. Идея дофеодального периода в какой-то степени была популярна среди этнологов и историков, обращавшихся к рассмотрению теоретических вопросов социальной эволюции и политогенеза⁴. Но детальная проработка концепции применительно к европейским и другим обществам I тысячелетия н. э. отсутствует. Возникает немало вопросов. Например, если руководствоваться критериями «дофеодального периода» А. И. Неусыхина, то до каких хронологических рамок мы должны расширить переходную дофеодальную структуру? Следует ли выстраивать четкую последовательность: дофеодальный период – генезис феодализма (ранний феодализм) – классический феодализм? Или же дофеодальные структуры существовали как альтернатива раннему феодализму? А может быть в контексте идей многолинейности (или нелинейности) общественного развития правильнее говорить о разных типах как дофеодальных, так и феодальных обществ? В каких дефинициях мы можем описать особенности историко-культур-

ного развития Северной и Восточной Европы вне феодальной парадигмы? Какие использовать термины и понятия для обозначения социальных и политических процессов?

Важно также определиться в том, говорим ли мы о самоценном развитии периферии цивилизационной зоны Евразии в раннее средневековье данной зоны или все генеральные изменения здесь представляют собой лишь промежуточные «переходные» формы? Чтобы более точно оценить характер социальных процессов в «варварской» периферии в V–XI вв. мы обращаемся к изучению основных тенденций эволюции ряда обществ в Центральной Азии, Восточной и Северной Европы. Понятно, что невозможно в рамках одной статьи найти ответы на все обозначенные выше вопросы и тем более дать безупречное определение сущности «переходной эпохи» (в данном случае раннего средневековья), особенно если речь идет о трех регионах, которые существенно отличаются по своим природно-географическим условиям, этническому составу, традициям хозяйственной жизни, и в целом – историческими судьбами. И, тем не менее, исследование конкретно-исторических процессов в Монголии, Семиречье, в славянской части Европы, в Дании и Скандинавии дает возможность сравнить между собой отличные друг от друга общества и возможно увидеть картину хотя бы сопоставимых тенденций, характерных для «варварской» периферии периода раннего средневековья.

В истории Монголии в период раннего средневековья условно можно выделить три ключевых периода: 1) тюркское время (середина VI в. – 744 г.); 2) век Уйгурского каганата (745–840 гг.); 3) период усиления киданей и создания империи Ляо (конец IX в. – 1125 г.). Начало тюркского периода ознаменовалось образованием крупнейшей кочевой империи раннего средневековья – Великого Тюркского каганата (552–603). За сравнительно короткое время тюрки установили свою власть над степным пространством от Маньчжурии до Черного моря. Под контроль кочевников также попали некоторые оазисы Восточного Туркестана, Семиречье, Средняя Азия, часть Кавказа. Необходимость управления огромной территорией привела к созданию военно-административной десятичной системы, выделению центра, крыльев, уделов, введению института тутуков – представителей центральной власти в племенах. Однако детальное изучение социально-политической организации как Великого Тюркского каганата, так и его наследников – Восточно-тюркского каганата (603–630) и Второго Тюркского каганата (689–744/745) показало, что эти крупные кочевые политии государствами в полном смысле этого слова не являлись⁵. Догосударственные формы в этих кочевых образованиях базировались на главенстве тюрков в сложной этноплеменной иерархии каганатов, интеграции кочевых племен для нападений на Китай, грабежей оседлого на-

селения, олицетворения постоянной угрозы Поднебесной, вследствие чего китайцы были готовы поставлять в степь разные продукты в качестве даров, откупов, неэквивалентного обмена. В монгольских владениях тюрок отсутствовала гражданская администрация, не было фискальных институтов, каган выполнял функции верховного главы всех включенных в империю племен, военного предводителя номадов, сакрально-ритуального посредника между номадами и Небом. Авторитет кагана держался на успешных военных акциях и раздачах престижных товаров родственникам, своему окружению и племенным лидерам. Судебные полномочия кагана ограничивались, как правило, военной сферой⁶.

Тем не менее, во всех трех указанных тюркских каганатах наблюдалась динамика общественного развития (подъемы, спады, структурные изменения) и в определенные временные отрезки прослеживается тенденция к усложнению социально-политических систем. Однако подобные тенденции, как правило, проявлялись накануне кризисов либо, что весьма вероятно, порождали эти самые кризисы. Так в Великом Тюркском каганате в период правления Тобо-хана (Таспар, 572–581) происходит рационализация политики в отношении китайских царств, создается управленческая иерархия, каган и часть его окружения принимает буддизм. Не случайно и появление Бугутской стелы с первой известной тюркской надписью. Но эта практика не получает развития из-за начавшихся междоусобиц, кризиса каганата и его раскола на две политики. К тому же тесные контакты тюркской аристократии с Китаем приводят к постепенной китаизации кочевой элиты, ослаблению ее сплоченности, появлению марионеточных правителей и зависимой от щедрости суйских императоров знати.

В Восточно-тюркском каганате усложнение политической структуры и практики управления наблюдается в 620-х гг., когда в связи с установлением в Китае власти новой династии Тан в монгольских степях оказалось много китайских мигрантов (сторонники Суй и связанные с ними согдийцы). Каган Сели учреждает новые должности, на которые назначаются преимущественно китайцы и согдийцы, вводит налоги и дополнительные сборы для борьбы с династией Тан, но в итоге вспыхивает восстание сеяньто, уйгуров и других зависимых племен и в совокупности с военным напором Поднебесной это приводит к разгрому каганата и подчинению тюрок Китаю⁷. Аналогичная тенденция была и в истории Второго Тюркского каганата в правление Бильге-кагана. Проводя политику изоляции от китайского влияния, он предпринял попытку усиления контроля над зависимыми племенами и сбора даней и податей с них⁸. И эта попытка, как известно, закончилась падением каганата.

Приведенные примеры могут говорить о том, что существовали какие-то функциональные причины, не позволявшие тюркам идти по пути

усложнения управленческих практик. Одна из главных причин – отсутствие легитимных инструментов власти, с помощью которых можно было бы развивать фискальную сферу (т. е. отсутствие легитимной и профессиональной бюрократии, что по существу и означает отсутствие государства). Тюрки не могли преодолеть этот «политический порог» и наталкивались на вполне очевидное препятствие – сравнительно узкую управленческую компетенцию кагана. Кочевые империи тюрков представляли собой мегасоюзы племен (суперсложные чифдомы), в которых каганы для поддержания единства вынуждены были учитывать интересы племен и жертвовать для них частью добычи и полученных от земледельцев ресурсов. Следует также учесть, что в периоды успешных завоеваний, походов и побед существовала консолидация интересов тюрков и других племен, а потому власть каганов «возрастала». В мирное время правители кочевых империй практически не имели эффективных инструментов контроля над номадами. Поэтому попытки осуществлять фискальную политику в степи порождало политическое напряжение среди представителей элиты и междоусобицы между членами рода Ашина, а это в свою очередь, вероятно, маркирует и социальные противоречия между тюрками и зависимыми племенами. С другой стороны, даже если бы тюркам удалось навязать подчиненным кочевникам налоги, у них совершенно отсутствовала инфраструктура, обеспечивавшая их сбор: тюрки не создали столичного города и сети городских военно-административных центров (тутуки с небольшими отрядами вряд ли могли эффективно контролировать племена), нет также сети должностных лиц, нет независимых от Китая источников получения востребованных в кочевой среде товаров (зерно, рис, алкоголь, шелк и пр.). В итоге можно сказать, что в Тюркских каганатах тенденция к усложнению общественно-политических структур не была реализована в силу объективных причин.

Уйгурский каганат (745–840 гг.) фактически возникает на той же территории что и Восточно-тюркский каганат и исходно имеет такой же потенциал для развития, что и тюркские политии. Однако уже в первые десятилетия своей истории он существенно преобразиться и, по сути, станет в Монголии первым истинным государством с сетью городских центров, развивающихся в степи наряду со скотоводством, земледелием, садоводством, городским ремеслом, местной и транзитной торговлей. Одним из решающих факторов данных преобразований стало присутствие в монгольской степи, особенно после участия уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня в Китае, многочисленного оседлого населения, прежде всего, согдийцев и китайцев. Именно их руками возводились города и другие поселения во владениях уйгурских каганов. Вероятно к рубежу VIII–IX вв. полностью оформилась городская инфраструктура империи, включавшая столичный

мегаполис Хар-Балгас (Орду-балык), «областные» центры, провинциальные города, крепости и укрепленные городища в Туве.

Важнейшим фактором социально-экономического развития каганата стала транзитная торговля. Следует учесть ряд обстоятельств. Во-первых, это огромная роль в интенсификации мир-системных связей Арабского халифата, переживавшего в VIII–IX вв. расцвет. Его мощная экономика, чеканка удобной для торговли серебряной монеты, проникновение мусульманских купцов в различные точки ойкумены и создание разветвленной системы торговых путей и экономических связей стимулировали трансформацию периферии, появление там городов и их включение в торговые сети Евразии. Сам халифат во многом выступал как посредник в многополярной евразийской торговле, экономически и политически обеспечивая ее функционирование и рост. Во-вторых, Тибет в середине VIII в. захватил очень важный участок Шелкового пути в Восточном Туркестане, что привело к смещению основного евразийского торгового маршрута в Монголию («уйгурская дорога» шла из Бешбалыка по степям вплоть до Орду-балыка, а затем поворачивала на юг и, проходя через Ордос, достигала китайской столицы – города Чанъань).

Таким образом, торговые связи Арабского мира, Средней Азии и Семиречья с Китаем осуществлялись через территорию каганата. Это, в свою очередь, способствовало подъему городов в Уйгурской империи, развитию рынков, ремесла и земледелия, созданию специальной службы, обеспечивавшей провоз товаров. Общие интересы обеспечили быструю интеграцию интересов уйгурской элиты и согдийского купечества, чем во многом объясняется принятие манихейства, прочное положение в каганате манихейских общин, возникновение вокруг городов торгово-ремесленных посадов, развитие земледелия в долине Орхона и Толы.

При этом стоит обратить внимание на важные наблюдения арабского путешественника Тамим ибн Бахра, побывавшего в начале IX в. в Уйгрии, и указывавшего на то, что среди жителей городов много тюрок-манихеев⁹. В-третьих, следуют подчеркнуть тесную экономическую взаимосвязь между синхронным подъемом городов в Монголии и контролируемых уйгурами городских центров Восточного Туркестана и развитием урбанизационной инфраструктуры в Семиречье. Этот рост обеспечивался развитием транзитной торговли, экономическими запросами уйгурской и согдийской знати и поддерживался политической элитой каганата. Одновременно с трансформацией Уйгурского каганата в полупериферийную зону с сельскохозяйственной и городской экономикой происходили изменения в принципах построения и функционирования власти. Источники позволяют предполагать повсеместное развитие в каганате городской администрации, появление провинциальной фискальной бюрократии. По-

шлины, отчисления от транзитной торговли, налоги с земледельцев и регулярный сбор дани с зависимых племен стали неотъемлемой частью управления в Уйгурской империи.

Необходимо отметить, что устойчивость социально-экономической и политической системы Уйгурского каганата оказалась слабой. Показательно сочетание факторов, которые привели его к гибели. Функционирование земледелия и скотоводства в рискованной зоне, которой являются монгольские степи, оказалось полностью нарушенным в результате нескольких лет с холодными зимами, эпидемиями, джутами, неурожаями и голодом в конце 830-х гг. Численный рост элиты и бюрократии вызвал противоречия между разными группами уйгурской знати и междоусобицы. По всей видимости, в каганате зрели и этносоциальные конфликты: рядовые кочевники вряд ли положительно воспринимали оседание элиты в городах, деятельность согдийцев, фискальные поборы и насаждение манихейства. Сосредоточение элиты каганата на экономических интересах и длительное неучастие армии в боевых действиях (в IX в. напряжение было только на севере Тувы из-за конфликтов с кыргызами) подготовили катастрофу 840 г., когда войска кыргызов захватили и разрушили Орду-Балык. Показательно, что вся городская и земледельческая инфраструктура после разгрома каганата быстро пришла в упадок. Это подчеркивает, что ее существование во многом обеспечивалось политически. Без империи и соответствующей политики города в степи не смогли выжить. А это, в свою очередь, говорит о дискретности развития периферии и отсутствии прямой преемственности. Подъем сменился спадом, а уйгурский опыт оказался востребованным киданями только через полтора столетия.

Киданская *империя Ляо* олицетворяет наивысший уровень подъема «варварской» периферии Китая в период раннего средневековья и по существу была попыткой периферии стать центром («ядром», цивилизацией). Кидани в ходе экспансии конца IX – первой половины X в. смогли объединить Маньчжурию, Северо-восточный Китай, Бохай, Внутреннюю и значительную часть Внешней Монголии. Подчинившие при первом императоре Абаоцзи (ум. 926 г.) своих кочевых и оседлых соседей, кидани с помощью китайцев строили города, освоили различные виды ремесла, создали собственную письменность, шли по ускоренному пути формирования государства. При сыне и внуке Абаоцзи (Дэгуан и Уюй) киданская полития приобрела имперско-государственный статус, что было закреплено в 947 г. провозглашением империи Да Ляо («Великая Ляо»).

Важными элементами социально-экономического и политического усложнения империи Ляо были: I. Строительство городов в родовых землях (на р. Шара-Мурен), Внутренней Монголии и загобийской Монголии. Всего известно около 60 киданских городов, из них более 20 в Цент-

ральной и Восточной Монголии; II. Дуальная система центральной и провинциальной администрации с киданьскими и китайскими чиновниками и с пятью столицами (Верхняя и Восточная в северной административной территории, Средняя, Западная и Нижнее – в южной). Северная администрация управляла родовыми землями киданей, Внутренней и Внешней Монголией. Южная администрация, где в среднем и младшем звене состояли только китайцы, осуществляла руководство китайскими владениями империи. При этом сбор налогов осуществлялся как с земледельцев (китайцы, бохайцы), так и с кочевников (в XI в. в пограничных зонах кочевников даже заставляли держать земельные участки и выращивать зерно). Также существовал значительный государственный сектор, который включал в том числе государственные табуны и пастбища, государственных пастухов. Таким образом конец раннего средневековья знаменуется утверждением в кочевом мире Центральной Азии имперско-государственной традиции (что, конечно, не исключало и других форм власти у кочевников на севере и западе Монголии), многие элементы которой были унаследованы чжурчженями и монголами.

Сходные тенденции к усложнению общественно-политических структур наблюдалась в Семиречье. В период раннего средневековья в этом регионе возникает городская инфраструктура, которая динамично развивается, рынки, осуществляется чеканка монеты, политическая интеграция прошла путь от противоборства двух племенных союзов дулу и нушиби до создания имперско-государственного общества при Караханидах¹⁰.

В Восточной Европе одним из образцов поэтапного роста сложности социально-политических структур была *Дунайская Болгария*. Отправной точкой этого роста была «Великая Болгария» хана Кубрата, из состава которой часть болгар во главе с Аспарухом мигрировала на Дунай. Разгром византийцев позволил тюрко-болгарам занять часть территорий империи (Добруджа, Мезия) и установить контроль над рядом славянских групп. Основная военно-политическая стратегия болгарских ханов сводилась к набегам на Византию и дистанционной эксплуатации ее ресурсов. Однако данная стратегия дала сбой в середине VIII в. и привела Болгарское ханство к междоусобицам и кризису.

Выход из кризиса был найден ханом Кардамом (ум. 803 г.), который вел систематичное подчинение славян и обложение их данью. Уже опираясь на полученные от славян людские и материальные ресурсы, Кардам смог нанести поражение Византии и принудить ее к подписанию мира, согласно которому в Болгарию вновь стали поступать «дары». Данная политика была продолжена ханами Крумом и Омуртагом. Контроль за славянами потребовал от тюрко-болгар создания провинциальной администрации и расширения функций столичного чиновничества. В первой по-

ловине IX в. контакты тюрко-болгар и славян увеличились, последние стали оказывать все большее влияние. Отдельные представители славян входили в окружение и дружину ханов. Принятие христианства в Болгарии при князе Бориле / Борисе-Михаиле (начало в 864–865 гг.) сняло этнические барьеры и привело к постепенной ассимиляции болгар славянами и культурному синтезу с византийской традицией¹¹. Олицетворением этого синтеза стала идея князя Симеона о создании империи болгар и греков, т. е. попытка Болгарии как полупериферии занять место византийской цивилизации. Однако в X – начале XI в. Дунайская Болгария на фоне довольно быстрых процессов усложнения внутренней структуры, зарождения сословного общества и порождаемых этим обстоятельством конфликтов не выдержала противостояния с Византией и в 1018 г. была окончательно покорена византийцами.

С IX в. тенденция к усложнению экономических и социально-политических структур отчетливо прослеживается и в других регионах Восточной Европы (эти процессы во многом были и результатом влияния Византии, Восточнофранкского королевства и Германской квазиимперии). Особая роль здесь принадлежала *Великой Моравии*, вслед за которой появление городов, формирование государства и христианизация трансформировали варварскую периферию в более сложные общества в *Богемии*, *Польше*, *Древней Руси*.

В *Скандинавии*, *Дании* и *Южной Балтике* мы также видим в раннесредневековый период тенденции к усложнению местных сообществ, их надплеменной консолидации сначала в сложные (компаундные) чифдомы (Вендельский / Меровингский период), а затем в ранние государства (эпоха викингов)¹². Эпоха викингов (конец VIII – середина XI вв.) не только вызвала к жизни более сложные политические образования, зарождение государственности и создание раннегосударственной северной империи (держава Кнута Великого), она превратила Скандинавию в один из важных центров экономического обмена и транзита товаров.

Викинги освоили разнообразные торговые маршруты и получили доступ к продукции Западной и Восточной Европы, Византии, Средиземноморья, арабского мира. Халифат опять сыграл ключевую роль в интеграции Северной Европы в евразийскую мир-систему. Показательна определенная взаимосвязь появления и развития раннегородской инфраструктуры Скандинавии и Дании (ранние вики Хельгё и Лёддечепинг, сменяются в VIII–X вв. более крупными торговыми центрами – Бирка, Каупанг, Хедэбу, Рибе и др.) с ростом экономики Арабского халифата в конце VII – середине X в. При этом важное значение имели внутривосточная торговля, ресурсы, полученные скандинавами в ходе походов и грабежей Британских островов, Франции и германских земель, взаимодействие со сла-

вянским и финно-угорским населением Восточно-европейской равнины, военные и торговые контакты с Византией. С середины X в., когда в Арабском халифате постепенно прекратили чеканку серебряной монеты и поток дирхемов резко сокращается, вектор «центр-периферийных отношений» меняется. В Скандинавии резко возрастает доля англосаксонских, германских и собственно скандинавских монет¹³.

В Дании на этом фоне во второй половине X – начале XI вв. формируется раннегородская инфраструктура: резиденция Кнютлингов – Еллинг, королевские крепости (Треллеборг, Фюркат, Агерсборг), торговые и портовые города, центры епископатов и чеканки монеты (Хедебю, Рибе, Орхус, Виборг, Оденсе, Роскильде и др.)¹⁴. На этот же период в Дании приходится окончательное оформление государственности. Конунги Дании Свейн Виллобородый и Кнуд Великий меняют характер норманнской экспансии. Вместо начавшихся еще в VIII в. нападений, грабежей и колонизации западно-европейских территорий, датские правители переходят к более рациональной форме эксплуатации ресурсов Англии – сбору данегельда. Данная политика обеспечивается собранным из викингов, постоянным и хорошо подготовленным воинским контингентом и институтом наместничества¹⁵.

Подводя итоги, можно выделить общие тенденции и особенности развития рассматриваемых в статье регионов «варварской» периферии в раннесредневековую эпоху:

1. Общим трендом было усложнение социально-экономических, политических и культурных практик, особенно в последние столетия раннего средневековья (середина IX – первая половина XI в.)¹⁶. По всей видимости, эти процессы совпадали с демографическим ростом в периферийной зоне, начавшимся примерно с VIII в. В целом важным итогом раннесредневекового периода для изученных регионов «варварской» периферии стала их трансформация в полупериферию (а в отдельных случаях включение в пространство цивилизаций) с развитой системой экономического, политического и культурного взаимодействия со странами цивилизационной зоны. Болгария и империя Ляо даже попытались превратить полупериферию в метрополию («центр») с контролем над культурными донорами – соседними цивилизациями (Византия и Китай).

Однако цивилизации продемонстрировали свою устойчивость как в политическом, так и в культурном отношении. Имперские иллюзии Симеона рухнули довольно быстро, а подъем Болгарии в IX – начале X в. закончился ее кризисом, агонией и полным подчинением византийской власти. Пример Болгарии наглядно показывает, что быстрые темпы усложнения общественно-политической структуры вызвали социальную дезинтеграцию и «перенапряжение» общества в X в., за которыми последовали надлом и кризис. Кидани смогло завоевать лишь северо-восточный

Китай, где фактически с X в. воспроизводили типичную китайскую историко-культурную модель. Очевидно, что в динамике взаимодействия «центра» и периферии чем ближе располагалась к «центру» (цивилизации) периферийная общность, тем интенсивнее шли процессы ее социально-экономического, политического и культурного развития, но при этом возрастала угроза непосредственного поглощения «центром». В удаленных от цивилизаций регионах периферии (Древняя Русь, Скандинавия) этот рост сложности происходил более длительно, но в то же время более органично, что, однако, не исключало социальных потрясений.

2. Усложнение социально-политических структур, переход от сложных форм вожеств (чифдомов) к ранним формам государственности, в отдельных случаях – к различным типам империй. Но процесс этот неоднозначен и дискретен. Так, на Балканах даже устойчивая тенденция перехода от компандного чифдома к раннему государству, а затем к традиционному государству в Болгарии прерывалась кризисами второй половины VIII в. и 960-х гг., ставившими под сомнение существование страны. В соседних сербских землях за возвышением княжества во главе с династией Властимировичей (VIII–IX вв.) последует вековой период дезинтеграции и зависимости, прежде чем в XI в. в Зете (Дукле) возникнет королевство Михаила. Аналогичная ситуация наблюдалась в Центральной Азии, однако в Семиречье тенденция к формированию государства была более устойчивой, а преемственность во многом обеспечивалась этнической (тюрки–тюркешы–карлуки–Караханиды) и историко-культурной близостью, а также устойчивой системой взаимодействия по типу «степь–город». В западнославянском и восточнославянском регионах за взлетом Великой Моравии в IX в. следует длительное оформление государственности в Чехии (Богемии), Польше, Киевской Руси в X – начале XI вв. В Скандинавии после объединительных действий Харальда Прекрасноволосого и вплоть до второй половины XI в. неоднократно были периоды «отката» от государственного уровня, когда о государстве можно говорить весьма условно. В Швеции подобная смена векторов политического развития растянулась до XIII в. В Дании и государственность возникла раньше, и формы ее эволюции были разнообразнее. Стоит также отметить, что на территории «варварской» периферии политические (политико-интегративные) процессы опережали социальные, а изменение общественной структуры во многом было следствием управленческих практик.

3. Формирование и развитие городской инфраструктуры. Урбанизация с VIII в. охватывает все проанализированные нами регионы. В то же время нельзя не отметить неустойчивость раннегородской инфраструктуры в отдельных регионах. Так в скандинавско-балтийской зоне в X–XI вв. упадок переживают наиболее крупные центры транзитного обмена – Бирка и Хедебю. В Монголии, где города не являлись обязательным элементом

развития кочевых пасторальных обществ, только имперские структуры поддерживали функционирование городских центров. Поэтому падение кочевых империй вело к прерыванию урбанизационных процессов.

4. Развитие торговли и более тесное включение периферийных и полупериферийных территорий в евразийские мир-системные связи¹⁷. Базовое значение в этих процессах играли «ядра» цивилизационной зоны (особенно Китай, Индия, Персия, Византия) и система экономического взаимодействия между ними (разветвленный шелковый путь; транзитная роль Византии и Переднего Востока в обмене между Азией и Европой). К ним примыкали включенные в это пространство территории (Восточный Туркестан, Средняя Азия, Кавказ, Средиземноморье, запад континентальной Европы – Франкская и Германская империи). В VIII–X вв. в развитии периферийных и полупериферийных зон крупных цивилизаций особую роль сыграл Арабский халифат. Уйгурский каганат вместе с городскими центрами Семиречья вошел в посредническую зону торговли между Китаем и Арабским халифатом. Для Дунайской Болгарии противостояние Византии и халифата создавало условия для военно-политического подъема «под боком» у византийцев. Торговля с арабами во многом определяла подъем городских центров Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Северо-восточной Руси. Для Скандинавии мощный поток товаров из Византии, но особенно из Арабского халифата (показательны находки десятков тысяч арабских дирхемов в кладках) стал главным фактором экономического роста, появления городов и т. д. При этом Скандинавия играла не только роль посредника между Северо-западной Европой и восточными странами. Скандинавы сами включились в торговую сеть Евразии и везли на юг разнообразные товары, обменивая их на серебро.

Для Скандинавии и Дании цивилизационное пространство было «размыто» и охватывало как собственно цивилизационные центры (арабский Восток, Византию, континентальную Европу), так и полупериферийные зоны (Русь, Британия). Поэтому с одной стороны Скандинавия и Балтийский регион выступали как транзитная периферия раннесредневековой мир-системы. А с другой – в высшей фазе своего подъема в первой трети XI в. стремились к военно-политическому доминированию над северо-европейским пространством (империя Кнуда Великого). При этом и в экономическом, и в культурном отношении Скандинавия оставались периферией той же Англии, из которой норманнами военно-политическими методами изымались материальные ресурсы и одновременно воспринимались культурные веяния (то же христианство в уже адаптированной и опосредованной английской форме).

И, наконец, нельзя не подчеркнуть, что и развитие самой цивилизационной зоны в раннее средневековье было неоднозначным. Китай и Ви-

зантия с определенной периодичностью также переживали кризисы, Арабский халифат, дойдя до максимальной точки роста, в X в. перешел к стагнации (прекращение чеканки серебряной монеты), политическому распаду, подчинению делаймитам, сельджукам и пр.

5. При наличии общих тенденций, векторы развития регионов, отдельных стран и территорий в раннесредневековый период были достаточно разнонаправленными. Различались формы и функции догосударственных и государственных институтов, темпы и характер урбанизации, преемственность достижений, способы взаимодействия с цивилизациями и в целом соотношение эндогенных и экзогенных факторов трансформации «варварской» периферии. Также очевидно, что усложнение экономики и властных структур «варварской» периферии отличалось большей устойчивостью в регионах с земледельческим населением, в то время как в степной зоне аналогичные процессы были дискретны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87; *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (тезисы доклада) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 45–48; *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. I. С. 596–617.

² См., например: *Гуревич А. Я.* Англосаксонский фольклэнд и древнорвежский одаль (опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения) // Средние века. М.: Наука, 1967. Вып. 30. С. 61–83; *Гуревич А. Я.* Некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодальных обществ. Индивид и общество (Тезисы доклада) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 64–66; *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. С. 25, 39, 40, 41, 81, 85, 88, 89, 91, 99, 102, 103; *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. М.: Наука, 1977. С. 3–4, 7 и др.

³ *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период // Античная древность и средние века. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1972. Вып. 8. С. 3–41.

⁴ См., например: *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 45–48; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 308; *Хазанов А. М.* «Военная демократия» и эпоха классообразования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 93–97; *Хазанов А. М.* Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. С. 129; *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 166–167; *Крадин Н. Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992.

С. 181–182; *Хазанов М. А.* Киевская Русь в творчестве А. А. Зимина: концепция «дофеодального периода» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 32 (70). История. Вып. 35. С. 134–141 и многие другие.

⁵ *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 316, 320–321, 328–329, 331; *Крадин Н. Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // *Восток*. 2001. № 5. С. 23–29; *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. С. 29–32, 78; *Васютин С. А.* Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // *Восток*. 2010. № 4. С. 21–23, 27, 31 и др.

⁶ *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция... С. 320–332.

⁷ *Кляшторный С. Г.* Первый Тюркский каганат // *История Востока*. Т. 2: Восток в средние века. М.: Наука, 2000. С. 63; *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 92

⁸ *Васютин С. А.* Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // *Известия Уральского государственного университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. № 3 (79) С. 49–63.

⁹ *Асадов Ф. М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. С. 45, 46.

¹⁰ Более подробно см.: *Васютин С. А.* Модели политической адаптации кочевников раннего средневековья в Семиречье // *Россия и мир: панорама исторического развития*. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 438–443. А также: *Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.). Фрунзе: Илим, 1983;; *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии... С. 113–117. *Кочнев Б. Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М.: ООО Издательский дом «София», 2006. Ч. I. Источниковедческое исследование. С. 245–249 и многие другие.

¹¹ *Васютин С. А., Пугачев А. Ю.* Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII–VIII вв.: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации // *Славяноведение*. 2009. № 4. С. 3–16.

¹² *Васютин С. А.* Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее средневековье // *Средние века*. Вып. 68. № 4. М., 2007. С. 34–65.

¹³ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 34, рис. 7; 38–39, рис. 8; 108–109, рис. 30; *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // *Славяне и скандинавы*. М.: Прогресс, 1986. С. 59, 62–63, рис. 22, 65, 77–79. *Клиндт-Енсен О.* Ранние города и укрепления // *Славяне и скандинавы*. М.: Прогресс, 1986. С. 130–134 и многие другие.

¹⁴ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе... С. 86–91, рис. 25–27, табл. 4; *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона... С. 53–54.

¹⁵ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе... С. 20–22, 143–144.

¹⁶ Тенденция к усложнению хозяйственных практик, социальных структур и политических институтов в рассматриваемых регионах прослеживалась и в более ранние периоды. Так, начиная с эпохи раннего железа, в Монголии, Восточной и Северной Европе наблюдались процессы этнополитической интеграции (империя Хунну, скифы в Северном Причерноморье, германские союзы и т. д.) и культурного развития (монументальные курганы, звериный стиль). Но урбанизация и формирование разных форм государственности характерны именно для раннесредневекового периода.

¹⁷ О трактовках истории раннесредневекового периода в духе мир-системной теории и глобальной истории см., например: *Frank A. G., Gills B. E. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London and New York: Routledge, 1994. 320 pp.; *Чейз-Данн К., Холл Т. Д.* Две, три, много миросистем // *Время мира: Альманах.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2. Структуры истории. С. 424–448; *Уилкинсон Д.* Центральная цивилизация // *Время мира: Альманах.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2. Структуры истории. С. 397–423; *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. М.: URSS, 2009. 568 с. и мн. др.

А. С. Козлов

ЕЩЕ РАЗ О ВИЗАНТИЙСКО-РОССИЙСКОМ КОНТИНУИТЕТЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Как известно, уже в Новое время вопрос о преемственности между Византией и Россией (прежде всего – в историософском плане, к которому, однако, сильно тяготел идейно-политический подтекст) стал привлекать в Европе пристальное внимание в связи с постепенным обострением Восточного вопроса (точнее – началом разворачивания борьбы за «османское наследство»), – при немалом влиянии на сей процесс внешней политики Екатерины II (успешные русско-турецкие войны, покорение Крыма, Греческий проект и т. д.¹). С этой тенденцией совпала и переплелась другая – взгляд (начиная с Э. Гиббона) на эволюцию другой православной страны, Византии, как на растянувшийся во времени процесс распада великой античной цивилизации, – подход, как известно, прекрасно отражавший, наряду с прочим, ощущение общественной и интеллектуальной мыслью Западной Европы грядущего «сжатия» исторической перспективы, увеличения темпов исторического развития в XIX в. Дело, однако, в том, что наряду с таким противоречивым подходом к анализу значимости византийского материала для лучшего понимания векторов эволюции всемирной истории в целом, параллельно суждениям Гиббона, восходя еще к рубежу Средневековья и Нового времени, на Западе формировалось поле узконационалистических оценок, в котором империя ромеев, а также православная Россия, не имели сколько-нибудь серьезного значения для су-